

● ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАРОДНОГО АРТИСТА

ДУХОВНАЯ преемственность всегда, во все времена остается одной из лучших черт его города. На ней выросли не только такие гении русской культуры, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Чайковский, Шалапин, Маяковский. Шостакович, но и вся огромная литературная, музыкальная, художественная, театральная среда. Люди, создающие особый климат, особую теплоту и возвышенную духовную тональность всей нашей культуры. И Александр Федорович Борисов из этой среды.

Он пришел в бывший императорский театр драмы полвека назад, в пору, когда на сцене театра выдающимися мастерами русской сцены Юрьевым и Мейерхольдом создавались первые советские спектакли, начиналась новая эпоха всей духовной жизни русского народа. А тогдашние его сверстники и товарищи по сцене Николай Симонов и Николай Черкасов создавали первые образы советских людей. Это было время углубленного взгляда в жизнь новых людей и светлого романтизма, патетики, революционного торжества. Люди хотели неодолимо взрастить новое, на мир смотрели широко и революционно, все события и человеческие судьбы воспринимали глобально. А для этого нужен был гений и сила Маяковских, Черкасовых, Симоновых.

Талант же Борисова, тихий, мягкий, негромкий, всегда был обращен не столько к лозунгам и величе-

возникает фильм «Верные друзья», фильм простой и забавный, но памятный для людей. Три больших советских актера Александр Борисов, Василий Меркурьев (уже несколько десятков лет они работают в одном театре) и Борис Чирков создали в этом фильме поразительный по своей чистоте и искренности мир человеческих отношений. И это не могло не тронуть людей.

Когда я говорю об этом самом Борисову, он согласно кивает головой и добавляет: «Да ведь заслуга большой тут нет, уж такого прироста наших людей, что на добро они особо внимательны. И я со своей стороны считаю, что пробуждать в людях доброту, честность, искренность, пробуждать и воспитывать тоже не последнее дело. Советский народ должен быть по сути своей человечнее, добрее, гуманнее. Это должно быть у него в крови от поколения к поколению».

«...Что чувства добрые я лирой пробуждал», — писал Пушкин, — и я, следуя его великому гражданскому и человеческому завету, тоже всю свою долгую жизнь на сцене посвящал пробуждению в людях чувств добрых, светлых, в каком бы спектакле я ни играл».

И эта роль в фильме «Верные друзья», как и любая другая роль в театре или кино (независимо малая или большая), сыграна Борисовым с таким мастерством, что невольно за ней обнаруживается и личность, и огромный жизненный масштаб, раз-

РЫЦАРЬ ДОБРА

ственным монологом, сколько к неспешной речи человеческой души... И можно только лишний раз удивиться, как чутко и бережно формировались таланты на советской сцене. Как режиссеры театра, порой столь разные по своим творческим исканиям, как Юрьев и Мейерхольд, Хохлов и Петров, Сушкевич и Визьен, сумели в годы, полные драматизма, остроты, ломки прежних устоев, психологии, характеров, в жесточайшую лихомань войн сохранить, взлелеять, взрастить и обогатить талант Борисова, идущий из самых глубин его натуры. Все они, начиная с Юрьева, знали, что придет день, когда люди обратятся к своему душевному миру, и голод на доброту, чистоту человеческих чувств будет столь же острым, как в двадцатых — тридцатых годах был на революционную, социалистическую, созидательную романтику.

День этот и для Борисова, и для самого театра, и для всего советского искусства действительно наступил. Только для Борисова он пришел раньше, чем, скажем, для Симонова и Черкасова (Симонов еще сыграет Сальери в маленьких трагедиях Пушкина, а Черкасов еще сыграет профессора в спектакле «Все остается людям»), — Борисова сразу после войны пригласили сыграть роль академика Павлова. Фильм этот все-таки давний, забытый. Но память о нем у всех, кто его видел, свежа. И, конечно, в этом заслуга прежде всего самого Борисова. Все накопленное им — и мастерство, и совершенство, и человеческий опыт — за долгие годы терпеливого труда пошло впрок. Вылилось в искусство большое и глубокое.

Теперь Александр Федорович без улыбки вспоминает, что, когда режиссер предложил ему эту роль, он сначала даже отказался, и самым категорическим образом. «Не сыграю я павловскую страсть, активность, нетерпимость, не сыграю, а без этого и нет Павлова...» — объяснял он режиссеру. Но тот был настойчив, и, как всегда, по мягкости своей душевной Борисов уступил. А когда начал работать над ролью, то и оценил, что режиссер-то все-таки шел к Павлову и от натуры его, Борисовской...

«Я скоро обнаружил, — рассказывает Александр Федорович, — что мне предстоит раскрыть не столько научный поиск ученого, а скорее его душевный мир, его огромный человеческий опыт... А долгая жизнь Павлова была все же жизнью человека на редкость доброго. При всей жестокости своих опытов над животными он их любил — не жалел, а любил. Неистово, самоотверженно любил. Заболел от них. И страдал, да-да, страдал оттого, что мучил их... А это далеко не каждому дано».

Он любил людей, но был строг с ними. Не терпел неряшливости, небрежности, лени. Он должен был отстаивать новизну своих взглядов, смелость мысли. А это требовало немалых усилий, иногда замкнутости, жесткости, резкости... Люди к нему не всегда были добры, не так просто и легко его научные идеи возобладали над миром. Но все это не лишило его глубочайшего сострадания, сочувствия к пониманию своего народа. Он был из числа выдающихся русских интеллигентов, талантливых, крепких духом и умом, таких, как Менделеев, Горький, Тимирязев, в котелках русский народ был источником человеческих достоинств. Такого Павлова — петербуржца, петроградца, ленинградца я очень хотел сыграть»...

Он сыграл роль Павлова, сыграл блестяще. И этот возвышенный дух человеческой доброты освежающе повеял на людей, только что вышедших из жесточайшей войны, открыл им глубокую патристическую душу великого человека и ученого.

И это уже была новая ступень нашего духовного возмужания и нашего осознания душевного опыта, накопленного советской жизнью. И появилась большая потребность в героях, которых мог сыграть талантливо и интересно именно Борисов. Так

винутый его собственным видением и чутьем.

А вот совсем на днях я смотрел (уж в который раз) в театре имени Пушкина горьковский спектакль «На дне». Спектакль, в котором заняты и Толубеев, и Екатерининский, и Фрейндлих, и Колосов, и Мамаева, и Дмитриев. Хороший спектакль (а вовсе не хрестоматийный, как нам иногда кажется), интересный, драматичный, острый. И острота эта в нем не в малой степени создается Борисовым, его трактовкой образа Луки.

Борисов сознательно очищает Луку от религиозного догматизма, от чрезмерной нравоучительности и ограниченности. Его Лука — большая умница, человек мудрый и добрый, который всякое объяснение поступкам людским находит в самой жизни, а не в святом писании. И мы невольно вынуждены вслушаться в речи Луки — Борисова, в них каждый легко отыскивает свое душевное равновесие и согласие житейской с его рассуждениями. А вслушиваясь, мы тут же оказываемся вовлеченными и в острый жизненный диалог, который ведет Лука с жителями «дна».

Но, несмотря на свою житейскую мудрость и доброту, он все же хитрит с людьми, до конца им не открывается. Ведь он и сам не знает, как можно помочь им, чтоб Вася перестал воровать, Актер — пьянствовать, а Сатин — шулерствовать... И по первому впечатлению доброта его вроде бы нерезультативна, и средства его вроде бы малоэффективны — только доброе слово от доброй души. И после ухода Луки мы видим, что люди эти живут по-прежнему, страдают, мучаются и мучают других.

Но людей «дна», разуверившихся в жизни, для которых ни бога, ни черта нет уж давно, поражает скромность, сдержанность и внутренняя свобода этого человека. Доброе слово Луки застряло где-то там внутри их, взволновало их сердца. Они вдруг оценили, что Лука был все-таки прав, когда говорил им, что живут они, ой, как плохо. Они вдруг вспоминают то малое, что он успел для них сделать, и в них просыпается ненасытная жажда ко всему человеческому, исполненному достоинства и уважения, созидания и красоты...

И чтоб пробудить этот ответный зов человеческого в людях, сыграть надо точно, достоверно, а вернее, как говорит сам Борисов, надо создать сущую правду на сцене.

«Верно-верно, доброту сыграть нельзя, — соглашается Александр Федорович, — надо быть от природы человеком добрым. Тогда может что-нибудь у тебя и выйдет. — И улыбнулся мягко и виновато. Я, грешным делом, нередко страдаю от своей доброты, но ведь все же хорошо, когда люди чуть-чуть оттают после спектакля, да и по-иному посмотрят на себя, на жизнь свою...»

Он играет Луку сегодня, как играл уже много раз в течение многих лет. И можно только предположить, скольких людей коснулась Борисовская доброта (кстати, лишь в прошлом году спектакли театра посмотрело около шестисот тысяч человек!), скольким запали в души его слова, скольким развевали крылья, разберились, повернули им глаза внутрь себя...

И именно это пробуждение, это человеческое обновление вызывает почти каждый спектакль Ленинградского театра имени Пушкина. И в этом находит общий язык вся труппа театра, сменяясь и передавая от поколения к поколению наследственно по духу и плоти своей великие реалистические традиции русских мастеров сцены. Может, оттого так неистощимы постоянство и любовь Александра Федоровича Борисова к родному театру. Ведь сегодня театр имени Пушкина — это и лицо Борисова, народного артиста СССР, одного из художественных руководителей театра. Равно, как и сам Борисов в своем творчестве олицетворяет все лучшее, чего достиг театр за эти полвека.

А. ЛАРИОНОВ.

Ленинград.